

Особенности рецепции поэзии Ф.И. Тютчева в философской мысли В.С. Соловьева и С.Л. Франка

Features of the reception of F.I. Tyutchev's poetry in the philosophical thought of V.S. Solovyov and S.L. Frank

Хамидулин А.М.

Канд. филос. наук, доцент кафедры философии и теологии НГПУ им. К. Минина, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет",
г. Нижний Новгород
e-mail: am-khamidulin@yandex.ru

Khamidulin A.M.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology of the NSPU named after K. Minin, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering",
Nizhny Novgorod
e-mail: am-khamidulin@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируются стратегии восприятия поэтического наследия Ф.И. Тютчева в философской мысли В.С. Соловьева и С.Л. Франка. Объектом исследования является философское наследие В.С. Соловьева и С.Л. Франка. Предметом исследования особенности восприятия В.С. Соловьевым и С.Л. Франком поэтического творчества Ф.И. Тютчева. В ходе исследования рассматриваются оценки поэзии Ф.И. Тютчева, выделяются общие для двух философов смысловые центры поэзии Ф.И. Тютчева, проводится сравнительный анализ воззрений В.С. Соловьева и С.Л. Франка на отдельные аспекты поэзии Ф.И. Тютчева. В результате делается вывод о том, что рецепция смысловых тем поэзии Ф.И. Тютчева в философском наследии В.С. Соловьева и С.Л. Франка определяется особенностями их философского мировоззрения.

Ключевые слова: Тютчев, Соловьев, Франк, история философии, история русской философии, рецепция, поэзия.

Abstract

The article analyzes the strategies of perception of the poetic heritage of F.I. Tyutchev in the philosophical thought of V.S. Solovyov and S.L. Frank. The object of the study is the philosophical heritage of V.S. Solovyov and S.L. Frank. The subject of the study is the peculiarities of perception of the poetic creativity of F.I. Tyutchev by V.S. Solovyov and S.L. Frank. The study examines the assessments of the poetry of F.I. Tyutchev, identifies the semantic centers of F.I. Tyutchev's poetry common to the two philosophers, and conducts a comparative analysis of the views of V.S. Solovyov and S.L. Frank on individual aspects of F.I. Tyutchev's poetry. As a result, it is concluded that the reception of the semantic themes of F.I. Tyutchev's poetry in the philosophical heritage of V.S. Solovyov and S.L. Frank is determined by the peculiarities of their philosophical worldview.

Keywords: Tyutchev, Solovyov, Frank, history of philosophy, history of Russian philosophy, reception, poetry.

Введение

В творческом наследии двух русских мыслителей Владимира Сергеевича Соловьева и Семена Людвиговича Франка, относящихся к отечественной философской традиции всеединства, фиксируется выраженный интерес к творчеству Федора Ивановича Тютчева.

В.С. Соловьев был современником

Ф.И. Тютчева, анализу поэтического наследия русского дипломата посвящена у

В.С. Соловьева, главным образом, специальная статья «Поэзия Ф.И. Тютчева» (1895), но пространная цитация стихотворений Ф.И. Тютчева встречаются также в статье «Красота в природе» (1889). Примечательно в случае В.С. Соловьева также то, что русский философ сам обладал непосредственным «доступом» в сферу поэтического, так как был поэтом, а не только систематическим мыслителем.

У С.Л. Франка поэзии Ф.И. Тютчева посвящена обширная статья «Космическое чувство в поэзии Тютчева» (1913). С.Л. Франк не был поэтом, но во многих ключевых сочинениях этого философа («Душа человека», «Непостижимое»,

«С нами Бог», «Свет во тьме», «Русское мировоззрение», «Реальность и человек») встречаются как многократные упоминания фамилии русского поэта, так и обильная цитация поэтического наследия Ф.И. Тютчева. Целью данной статьи является сравнение восприятия

В.С. Соловьевым и С.Л. Франком творчества Тютчева, в связи с чем необходимо выделить как общие места, привлекающие внимание обоих философов, так и их уникальные суждения о поэзии Ф.И. Тютчева.

Исследовательская часть

Начать следует с того, что оба философа высоко оценивают значение поэзии

Ф.И. Тютчева. В.С. Соловьев называет его творчество «драгоценным кладом», а самого творца «несравненным поэтом» [6, с. 106], а С.Л. Франк причисляет

Ф.И. Тютчева «...к числу немногих поэтов...» [7, с. 8] умело и гармонично сочетавшем в своем творчестве содержательное и стилистическое мастерство. Последний момент весьма примечателен, так как в нем усматривается наследие логики размышления В.С. Соловьева в статье С.Л. Франка (который, несомненно, был знаком с аналитикой В.С. Соловьева [7, с. 9]).

Дело в том, что в статье В.С. Соловьева о Ф.И. Тютчеве значительное место уделяется противопоставлению научной истины (вместе с механистическим пониманием человека и природы, а также мыслью и рациональностью вообще) и поэтической истины (а также чувственным переживаниям и духовному измерению бытия). В.С. Соловьев, во-первых, от своего лица высказывает мнение о бытии, что выражается у него в постулировании концепции всеединства, согласно которой подобное противопоставление лишь видимость, так как «...нет во всей вселенной такой пограничной черты, которая делила бы ее на совершенно особенные, не связанные между собою области бытия...» [6, с. 111]. В.С. Соловьев, в связи с этим, указывает, что как за видимой телесностью человека скрывается жизнь и душа, так и за механическим и натуралистическим измерением природы существует душа мира, но подобное усмотрение невозможно для поверхностного сознательного усмотрения, и нуждается в более глубоких поэтических и философских истинах. Все это, во-вторых, для В.С. Соловьева означало то, что поэзии Ф.И. Тютчева также было неведомо столь искусственное разделение мысли и чувства: «Его ум был вполне согласен с вдохновением, поэзия его была полна сознанной мысли, а его мысли находили себе только поэтическое, т.е. одушевленное и законченное, выражение» [6, с. 112]. Интересно то, что В.С. Соловьев, называя задачей поэзии воплощение в осязаемых образах смысла жизни, отмечает, что дело философа заключается в том, чтобы давать смыслу жизни определение в разумных понятиях. Эта замечание мыслителя в совокупности с оценкой поэзии Ф.И. Тютчева, можно воспринимать и как характеристику В.С. Соловьевым своего творчества, поскольку он был одновременно и философом, и поэтом.

В наследии С.Л. Франка, в свою очередь, также встречается весьма схожее противопоставление стиля (ритма, созвучия, слова, субъективности, формы, художественной истины, невыразимого переживания) и содержания (темы, мысли, объективности, идейной

составляющей, схематизированного знания) в поэзии. Исходя из этого разделения, С.Л. Франк утверждает, что существуют поэты, тяготеющие в своем творчестве преимущественно к «чисто-лирической» группе, которым объективная реальность не настолько и важна, поэты же другой группы, согласно этой классификации, видят смысл в особенностях вскрываемой в поэзии объективной, предметной реальности. Оказывается, что Ф.И. Тютчев не попадает не в одну из этих категорий, но «...принадлежит к числу немногих поэтов, соединяющих величайшую яркость и обрисованность объективно-эпического момента поэзии, ее идейного содержания, с исключительной силой и богатством лирико-музыкального ее элемента» [7, с. 8]. Иными словами, такой поэт как Ф.И. Тютчев является одновременно и мыслителем, поскольку стремится с помощью средств художественной образности проанализировать окружающее бытие.

Общим местом у двух мыслителей является их интерес к теме природы в поэзии Ф.И. Тютчева. В.С. Соловьев обращает внимание на то, что деятелям искусства свойственно острое восприятие природы, в связи с чем, те обращаются к описанию природы при помощи одушевленных образов. Отличие же Ф.И. Тютчева от них в том, что, согласно восприятию В.С. Соловьева, русский поэт отнюдь не считал такое живое восприятие природы лишь субъективной иллюзией или просто «красивыми словами», он верил в действительность этой одушевленности, которая, если судить по его поэзии, открывалась тому непосредственно. Тем же людям, которые не способны усматривать в природе живую душу мешает, не как им кажется их рациональное знание действительности, но их собственная слепота. «Они не видят и не слышат, / Живут в сем мире, как в потьмах, / Для них и солнца, знать, не дышат, / И жизни нет в морских волнах, / Лучи к ним в душу не сходили, / Весна в груди их не цвела...» [6, с. 108-109] - приводит В.С. Соловьев стихотворение Ф.И. Тютчева.

У С.Л. Франка мы встречаем более подробные рассуждения на этот счет. С.Л. Франк предлагает две пары категорий отношения поэтического к окружающему миру. Первая пара категорий, с одной стороны, предполагает одушевление природы как намеренный перенос характеристик одушевленного существа (в частности, человека) на явления природы, а с другой изначальное восприятие природы и космоса как живого и одушевленного мира. Вторая пара предполагает, что поэт либо находит и переживает весь мир в своей душе (это, согласно С.Л. Франку, означает то, что поэт видит во всем окружающем мире только лишь свои чувства и настроения), либо же осознает себя, погруженного в реальный мир, в котором воспринимает не свою душу, а душу мира. Для поэтического сознания Ф.И. Тютчева, согласно С.Л. Франку, природа есть сфера абсолютно реальных чувств и переживаний, точно таких же как и человеческие страсти, а поскольку человек мыслится включенным в космическую жизнь, то у поэта явственно наличествует «...не одушевление космоса, а, так сказать, *космизация* души, перенесение на личную жизнь категорий космического порядка» [7, с. 11]. Что позволяет С.Л. Франку говорить, как о мистическом реализме, который должен является самоочевидным фактом и исходной точкой в теории искусств, так и о всеединстве и религиозности поэзии Ф.И. Тютчева.

Оба философа отмечают, что Ф.И. Тютчев для описания мира прибегает к использованию вечных, идеальных в том числе и дуальных категорий: «день-ночь», «свет-тьма», «жизнь-смерть», «горнее-дольнее», а также «хаос», «любовь», «душа». Все эти категории пронизывают мир и обнаруживаются в окружающей действительности согласно мировоззрению и поэта, и философов. В.С. Соловьев отмечает, что существенной особенностью поэзии Ф.И. Тютчева является его обращенность к двум полярным сторонам действительности – светлой и темной, причем за светлой, дневной стороной мира скрывается его подлинная беспредельность, темная основа космоса, ассоциирующаяся с изначальным хаосом. «О, *страшных* песен сих не пой / Про *древний хаос*, про родимый! / Как жадно мир души ночной / Внимает повести любимой! / Из смертной рвется он груди / И с *беспредельным* жаждет слиться» [6, с. 114] - выделяет В.С. Соловьев ключевые мысли у Ф.И. Тютчева. «Это присутствие хаотического, иррационального начала в глубине бытия сообщает различным явлениям природы ту свободу и силу, без которых не было бы и самой жизни и красоты»

[6, с. 115] - характеризует эти поэтические строки В.С. Соловьева. В этом суждения С.Л. Франка соответствуют мысли В.С. Соловьева, более того, в цитируемых обоими философами стихотворениях Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной?», «День и ночь (На мир таинственных духов...)» и «Не то, что мните вы, природа...» С.Л. Франк выделяет курсивом практически те же строки и слова, что и В.С. Соловьев.

Вообще тема ночи, как проявления чего-то невыразимого и изначального занимает значительное место в наследии Ф.И. Тютчева, кроме упомянутых стихотворений можно вспомнить вторую строчку стихотворения

«Как океан объемлет шар земной», которая звучит так «Земная жизнь кругом объята снами...».

Подобная обращенность к теме ночи привлекала внимание многих исследователей. Так, Д.И. Чижевский в статье «Тютчев и немецкий романтизм», прослеживая влияние немецкого романтизма на поэзию

Ф.И. Тютчева, отмечает как раз то, что акцент на объективном, объединяющем или даже преодолевающем все единичное начале, которое символизируется у русского поэта ночью является одной из отличительных черт его поэзии по сравнению с немецким романтизмом, для которого, все же важна идея субъекта и его переживаний [8]. Это внимание к доличному единству, которое, кстати, позволяет другому историку русской мысли В.В. Зеньковскому назвать поэзию Ф.И. Тютчева имперсонализмом [1], привлекает особое внимание

В.С. Соловьева и С.Л. Франка. Справедливости ради, следует заметить, что имперсоналистическое впечатление от поэзии Ф.И. Тютчева может возникнуть если обращать избирательное внимание лишь на определенные стихотворения поэта и не обращать на другие, например, любовную лирику («К. Б. (Я встретил вас, и все былое...», «Люблю глаза твои, мой друг...», «Не раз ты слышала признание...») или историософскую поэзию

(«Наш век», «Умом Россию не понять...»). Безусловно и в этих примерах можно обнаружить мотивы единства, безличных сил и общностей разного рода, но личностный, отчасти даже биографический аспект очевиден. Более того, исследования нескольких последних лет говорят об экзистенциальном аспекте поэзии Ф.И. Тютчева, что было бы невозможно при тотальном ее имперсонализме [2, 3, 4]. Так что при целостном рассмотрении, даже только лишь поэтическое творчество Ф.И. Тютчева, не говоря уже о иных частях его наследия [5], характеристика его мысль как имперсоналистической представляется хотя и оригинальным способом восприятия его поэзии, но все же чересчур сильным утверждением.

Безусловно, В.С. Соловьева и С.Л. Франка привлекает именно эти мотивы тотальностей разного рода, встречающейся в поэзии Ф.И. Тютчева и отсылающих, в конечном счете, к теме всеединства, которое было частью философских систем двух мыслителей. Отметим, что

С.Л. Франк в статье, посвященной поэзии

Ф.И. Тютчева, упоминает и цитирует 28 стихотворений поэта, в то время как

В.С. Соловьев в своей статье о поэзии Тютчева привлекает 16 разных поэтических произведений русского поэта, но только три стихотворения («О чем ты воешь, ветр ночной?», «День и ночь (На мир таинственных духов...)» и «Не то, что мните вы, природа...») встречаются в статьях обоих мыслителей. В дальнейшем понимании этой метафизической двойственности философы расходятся. В.С. Соловьев видит смысл бытия, который привносит все многообразие и красоту жизни, в борьбе, преодолении и победе светлого начала в мире над темным. Эта борьба ведется как в окружающем мире, так и в самом человеке, и в нем должна также произойти победа, благодаря силе любви и победе Сына Человеческого – Иисуса Христа

над смертью, в результате которой должен явиться новый, духовный совершенный человек.

В качестве особенности следует отметить, что В.С. Соловьева привлекает в наследии Ф.И. Тютчева национальная тема, тема России: «как во всей природе наш поэт признавал живую душу, которою держится единство и целостность мира, подобным же образом он признавал и живую душу человечества и видел ее – в России» [6, с. 119]. И если восприятие природы основывалось у поэта, согласно определению В.С. Соловьева, на непосредственном чувстве, то вера в Россию была не только чувством, но и сознательным выбором Ф.И. Тютчева как

дипломата и патриота. В.С. Соловьев обращает внимание на идеи поэта об отсутствии мира между Западом и Россией и превращении России во всемирную монархию с Константинополем-Царьградом в качестве столицы, однако такое должно произойти не в результате каких-то внешних и материальных причин, но в силу нравственной победы того самого светлого начала над темным в самой России. Надо сказать, что, возможно, именно этот момент, С.Л. Франк воспринимал критически и называл такую общественно-политическую трактовку

В.С. Соловьева попыткой вложить в его наследие чересчур «отвлеченного и доктринального философского мировоззрения» [7, с. 9]. Вместо этого С.Л. Франк предлагает свой вариант метафизической интерпретации наследия русского поэта.

С.Л. Франк, рассуждая о тематике природы в поэзии Ф.И. Тютчева, со своей стороны рассуждает в пантеистических категориях, стремясь оправдать, примерить видимые крайности пантеизма поэта с его христианскими мотивами в поэзии. Интерпретация пантеизма является весьма личной темой для С.Л. Франка. Философ по ходу аналитики поэтики Ф.И. Тютчева рассуждает о необходимости для подлинной духовной религиозности совмещения имманентной и трансцендентной сфер, понимании природы как символа божества и необходимого словесного условия выражения близости Бога к своему творению. С.Л. Франк также обращает внимание на интерес Тютчева к темной стороне мира:

«О, страшных песен сих не пой / Про древний хаос, про родимый! / Как жадно мир души ночной / Внимает повести любимой! / Из смертной рвется он груди / И с беспредельным жаждет слиться... / О, бурь уснувших не буди: Под ними хаос шевелится!..» [7, с. 18]. Показательно в этом плане, что С.Л. Франк, в отличие от В.С. Соловьева, считает, что все метафизические двойственности у Ф.И. Тютчева (свет-тьма) одинаково прекрасны и божественны, и возводит, таким образом их истоки в глубины Божества. Следовательно, для С.Л. Франка в поэзии

Ф.И. Тютчева открывается возможность описания мистического процесса слияния человека с чем-то изначальным и всеобщим, который сопровождается опасением и даже ужасом, но этим трагическим путем пройти необходимо для внутреннего перерождения и достижения подлинного слияния с бесконечным и божественным. С.Л. Франк для подтверждения своей мысли приводит следующие поэтические строки: «О вещая душа моя! / О сердце, полное тревоги, - / О, как ты бьешься на пороге / Как бы двойного бытия!..» [7, с. 28]. С.Л. Франк видит в этом путь всеобщего, мирового процесса очищения, в котором человек должен принять участие. Привлекая интерпретацию В.С. Соловьева, можно предположить, что это и есть нравственно-духовный путь к преодолению зла. В этом можно усматривать проявление теодицеи С.Л. Франка, при которой зло и грех являются для человека необходимыми ступенями к славному итогу и не выглядят с точки зрения вечности как ошибка бытия. Ведь в конце человека будет ожидать награда: человек грозами очистится от дневного зноя и мятежной обособленности и достигнет тихой и теплой осени – желаемого единства души с изначальным источником всего. С.Л. Франк вспоминает, в связи с этим следующие строки Ф.И. Тютчева: «...душа готова, как Мария, к ногам Христа навек прильнуть» [7, с. 28]. В этой «...неподвижной, завершенной форме, в чистой красоте, открывается божественное единство, обнимающее собой те двойственности между дневным и ночным, земным и небесным началами, в борьбе между которыми протекает «злая жизнь с ея мятежным жаром»» [7, с. 31].

Выводы

Из сказанного выше видно, что поэзия Ф.И. Тютчева привлекала двух философов своей особой обращенностью поэта к природе, космосу, в конечном итоге чему-то невыразимому, скрывающемуся за завесой повседневности, что включает в себя и мир, и человека и объединяет в себе все существующее, что можно назвать интуицией всеединства. Такой подход не стоит считать какой-то аберрацией научного познания, как игнорирующего остальные темы поэтического наследия Ф.И. Тютчева, по двум причинам. Во-первых, поэзия как форма литературного искусства всегда достраивается в восприятии читателя, поэтому

люди с различным культурным и социальным опытом способны увидеть в одном и том же стихотворении нечто новое. Во-вторых, для исследователя истории русской философии демонстрируемый В.С. Соловьевым и С.Л. Франком подход в восприятии поэзии Ф.И. Тютчева способен стать дополнительным ключом, причем не только к наследию двух философов, но и к специфике национального мировоззрения.

Подводя итоги, следует отметить следующее. В.С. Соловьева и С.Л. Франка привлекало в поэзии Ф.И. Тютчева ее онтологизм, выражающийся в натурфилософской форме обращенности к теме природы и космического начала.

В этом следует усматривать «отзвук» философских систем всеединства, через оптику которого В.С. Соловьев и С.Л. Франк воспринимали поэзию Ф.И. Тютчева, и делали о ней в той или иной степени платоническо-пантеистические выводы (более явно у С.Л. Франка, чем у В.С. Соловьева). При этом В.С. Соловьев демонстрирует больший интерес по отношению к общественно-политическим темам в поэзии Ф.И. Тютчева и выражает более «светлую» концепцию всеединства, в большей степени тяготеющую к христианскому вероучению.

С.Л. Франка же привлекает у Ф.И. Тютчева момент личностного переживания божественной основы мира, а также пантеистическое измерение поэзии, которое приобретает у философа положительный характер и роднит его с трактовкой глубины божества в традиции немецкого мистицизма типа Я. Беме и Ф. Шеллинга (в этом смысле можно говорить об опосредованной встрече немецкого романтизма и немецкого мистицизма в русской философской мысли).

В подобном взгляде на поэзию Ф.И. Тютчева двух философов, безусловно, можно усматривать автобиографические основания. Вообще, надо сказать, что С.Л. Франк отталкиваясь от мыслей В.С. Соловьева находится под влиянием последнего, даже несмотря на несколько критическое отношение к подходу В.С. Соловьева, но в то же время предлагает более развернутую аналитику поэтики Ф.И. Тютчева в смежных для В.С. Соловьева темах. Таким образом можно считать, что высказывания В.С. Соловьева и С.Л. Франка о наследии Ф.И. Тютчева в значительной степени характеризуют не столько творчество поэта, сколько мировоззрения самих философов, поскольку они обращаются в наследии Ф.И. Тютчева к тем темам, которые были им самим особенно близки и интересны.

Литература

1. Зеньковский В.В. Философские мотивы в русской поэзии // Поэзия как жанр русской философии. М. 2007. С. 29-57.
2. Кузнецова А.В. Онтология лирического фрагмента в жанровом мышлении Ф.И. Тютчева // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2024. Том 9 (1). С. 52-65.
3. Левит С.Я. Поэтическая философия Ф.И. Тютчева // Вестник культурологии. 2020. №1. С. 162-175.
4. Мысовских Л.О. Экзистенциальная парадигма творчества Ф.И. Тютчева в контексте философско-эстетических изысканий первой половины XIX века // Филология: научные исследования. 2023. №1. С. 1-12.
5. Семикопов Д.В., Захряпин А.А., Лебедев И.А. Образ империи в русском историософском сознании: от славянофилов к евразийцам. // Вестник Мининского университета. 2023. Том 11. №4. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2023-11-4-12>
6. Соловьев В.С. Поэзия Ф.И. Тютчева // Соловьев В.С. Литературная критика. М.: Современник, 1990. С. 105-122.
7. Франк С.Л. Космическое чувство в поэзии Тютчева // Русская мысль. М., 1913. кн. XI. С. 1-31.
8. Чижевский Д.И. Тютчев и немецкий романтизм // Ф.И. Тютчев: pro et contra. СПб., 2005. С. 608-633.